

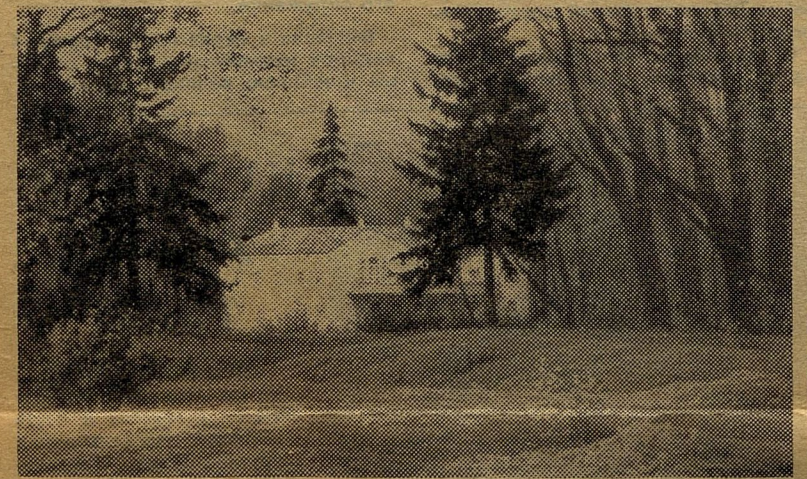
Моск. художник, 1978, 6 сент

Четыре времени года в Ясной Поляне

Так называется серия картин художника Бориса Щербакова, на которых запечатлены родные места Л. Н. Толстого.

— Для меня Толстой-художник и Толстой-мыслитель всегда неотделимы, — говорит Борис Щербаков. — Земля Ясной Поляны рождала у великого писателя образы, будила мысли, и я, впервые приехавший сюда в 1958 году, чтобы побродить по толстовским тропам, подышать тем воздухом, которым он дышал, бывал здесь затем не раз и оставался надолго. Захотелось попытаться языком красок передать те чувства и мысли, которые рождались у Толстого в общении с природой, — чувства радости, философских раздумий, любви к этому чудесному миру.

ДОРОГИЕ РЕЛИКВИИ

В Государственном центральном театральном музее имени А. А. Бахрушина открыта выставка «Л. Н. Толстой и театр». Экспозиция знакомит с лучшими спектаклями советского и дореволюционного театра, поставленными по произведениям великого русского писателя. Представлены в основном материалы Бахрушинского музея, а также Государственной Третьяковской галереи, музеев Л. Н. Толстого и МХАТа, частных коллекций.

Любители изобразительного искусства и читатели Льва Толстого увидят здесь иллюстрации Л. Пастернака к роману «Воскресение», листы К. Рудакова к эпосе «Война и мир», работы Н. Пискарева к «Анне Карениной».

Из фондов музея им. Бахрушина на выставке «Л. Н. Толстой и театр» экспонируются эскизы декораций к спектаклям, выпол-

Около сорока произведений Бориса Щербакова, посвященных Ясной Поляне, хранятся в Государственном музее Льва Толстого в Москве и в музее усадьбы «Ясная Поляна». Среди этих работ есть и блестяще написанные интерьеры усадьбы. Но большая часть полотен воссоздает природу, окружающую Толстого. Художник изобразил также самого Льва Толстого среди яснополянской природы. Пристальный взгляд писателя устремлен на нас. Пожалуй, уже сейчас можно сказать, что этот портрет — лучший из всех написанных художником.

● Воспроизводим этот портрет и один из яснополянских пейзажей Б. ЩЕРБАКОВА, которые зрители смогут увидеть на выставке в Академии художеств.

ненные известными мастерами театрального искусства. Среди них представлены эскизы В. Дмитриева к спектаклям «Анна Каренина» и «Воскресение» (МХАТ), Б. Волкова к спектаклю «Война и мир» (Театр им. Станиславского), П. Вильямса к спектаклю «1812 год» (Малый театр), В. Рындина к опере «Война и мир» (ГАБТ).

Представлены также эскизы активно работающих сегодня художников театра — И. Сумбатовых к спектаклю «Власть тьмы» (Киев), Э. Кочергина к «Истории лошади» (БДТ), А. Васильева к «Плодам просвещения» (МХАТ), В. Шапорина к спектаклю «Живой труп» («Красный факел») и эскизы других авторов.

Здесь можно увидеть документы, знакомящие с первой постановкой «Воскресения» В. И. Немировичем-Данченко на сцене МХАТа в 1930 году,

К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ХУДОЖНИКА

Публикуем отрывок из рукописи замечательного советского художника В. Н. Мешкова, посвященный воспоминаниям о его встречах с Львом Николаевичем Толстым. Материал подготовила к печати искусствовед В. Курильцева.

В моей школе занималась жена одного из сыновей Толстых. Как-то она предложила мне сделать портрет Льва Николаевича. Это было в начале 1910 года. Я собрал материалы, взял сангину, бумагу и поехал в Ясную Поляну, чтобы сделать набросок. Приехал я на станцию Козлова Засека. Вижу: стоит пара лошадей цугом, сани, покрытые ковром. Это ждали меня. По дороге от станции до Ясной Поляны осматривал окрестности, стараясь в них узнать места, так прекрасно описанные Толстым в его произведениях.

Приехали. Вхожу в большую комнату, освещенную с двух сторон. Это была и столовая и гостиная. Накрытый стол: из самовара валит пар, лежат домашние булочки и всякая снедь. Хозяев не видно. Я подошел к столу и налил себе чаю. В это время вошел доктор Маковицкий, с которым я не был знаком, но который меня встретил как старого приятеля и несколько не был удивлен, что я сам хозяйничал.

Я выпил чаю и собирался сразу же приступить к работе. Вышел на главную аллею, подошел к воротам и начал было писать въезд в имение. Вдруг издали слышу скрип подмерзшего снега (дело было ранней весной), и хотя я не видел Льва Николаевича, но тут сразу догадался, что это шаги его. Действительно, из-за ворот вышел Лев Николаевич, улыбнулся мне, сказал, что меня ожидали уже вчера, и, не останавливаясь, продолжал свою утреннюю прогулку, а я остался писать. Я посмотрел ему вслед, и он в это же время оглянулся, встретился со мной глазами и улыбнулся.

Когда я, немного поработав, вернулся в столовую, Лев Николаевич уже был там и сказал: «Я к вашим услугам». Я ответил, что писать портрет я еще не думаю, а хочу только ознакомиться, посмотреть на него и поэтому он может устроиться, где хочет и как хочет. «Тогда», — предложил Лев Николаевич, — пойдемте ко мне в кабинет, где я обычно работаю, и я на вас не буду обращать внимания».

В своем кабинете Толстой сел в угол, пододвинул к себе стол (у него какой-то особенный стол, я потом и его зарисовал) и стал читать вслух свою корреспонденцию. Письма к нему присылали со всех сторон земного шара: из Италии, Африки, Америки, отовсюду. Он прочел одно курьезное письмо, в котором кто-то его спрашивал: «Куда мне девать ружье 12-го года?». Очевидно, этот вопрос был обращен к Л. Н. Толстому как к автору романа «Война и мир». В другом письме какой-то жандарм писал, что он хочет познакомиться с ним, но боится, что Лев Николаевич его не примет, потому что он жандарм. Лев Николаевич тут же на обороте письма написал, что просит его приехать. Внимательно прочитав все письма до последнего, Лев Николаевич отдал их своей дочери, чтобы она ответила на те, которые он пометил. Между прочим, дочь его — Татьяна Львовна — попросила у меня разрешения сестры рядом со мной, чтобы

рисовать Льва Николаевича, потому что ей одной он не хочет позировать.

По существу, Лев Николаевич даже и не позировал нам, а стал заниматься, совершенно забыв о нас. Я рисовал его сангиной. Нарисовал голову, плечи, подошел уже к ногам, как вдруг он подобрал ноги под себя в кресло (это его любимая привычка). Я раза три окликнул его, но он даже не слышал меня. Вскоре Лев Николаевич машинально принял прежнюю позу. Работая, он не поднимал головы, а если и смотрел на меня, то так, как будто бы не видел меня, будто сквозь меня. Мысль нарисовать его (уже по памяти) именно в такой позе я не оставил и до сих пор.

Рисовал я Льва Николаевича довольно долго, пока нас не позвали к обеду. Подали ботвинью с осетриной, — как мне сказали, — специально для меня, потому что у них такая еда не принята, а сами хозяева едят только вегетарианское.

Пробыл я у Толстых несколько дней. Закончив этот рисунок, нарисовал Толстого за шахматами с Сухотинным, нарисовал его рабочий стол, часы и прочие этюды. Мне отвели особый флигель, в котором никто не жил, и предложили компаньона — истопника, но я сказал, что не боюсь жить один. Дело было весной, была лунная ночь, и портреты Толстых глядели со всех стен дома. Вдруг скрипнула лестница. Я насторожился и подумал, не духи ли это, но оказалось, что ко мне все-таки прислали истопника.

Когда я был у Толстого, к нему однажды пришел какой-то репортер, и на другой день Лев Николаевич, прочитав в газетах все то, о чем он говорил с репортером, возмущался:

— Мало ли какую я глупость скажу у себя, а репортер все запишет и пропечатает?

Я сделал отчасти по памяти, отчасти по фотографии углем портрет Льва Николаевича.

Когда я уезжал, Лев Николаевич просил меня с ним побеседовать, и мы долго говорили об искусстве.

По ходу разговора Лев Николаевич вновь вернулся к своей идее никчемности тех удобств и достижений культуры, которыми так был богат конец XIX — начало XX века:

— Стремятся выдумать разного рода изобретения, сделать нашу жизнь удобнее, комфортабельнее, а самого-то главного люди никак не могут достигнуть!..

На мое замечание, что все же культура не ограничивается внешними достижениями, что она смягчает нравы, и теперь, например, уже не поедают стареющих сородичей, как ненужный хлам, восторженный Лев Николаевич сказал:

— И теперь поедают, да еще как! Только не физически, а нравственно!

Расставаясь с Львом Николаевичем, я попросил разрешения в ближайшее же время вернуться в Ясную Поляну и написать большой портрет Льва Николаевича маслом. Татьяна Львовна тоже просилась писать вместе со мной. Решено было, что мне сообщат, когда удобнее приехать. Я ждал письма, но так и не дождался. Лев Николаевич ушел из дома, чтобы живым в него уже не вернуться. Позднее я узнал, что в своем дневнике он писал обо мне так: «Единственный человек, который меня ни о чем не расспрашивал, — это художник В. Н. Мешков».

ОЖИВАЮТ СТРАНИЦЫ РОМАНА

Иллюстрации народного художника РСФСР Ореста Георгиевича Верейского к роману Льва Толстого «Анна Каренина» экспонируются сейчас сразу на двух выставках. Оригиналы иллюстраций представлены в Центральном выставочном зале на выставке произведений изобразительного искусства, допущенных к конкурсу на соискание Государственных премий СССР 1978 года. Серия иллюстраций к «Анне Карениной» показана на Тринадцатой выставке произведений московских художников книги, развернутой в залах на Кузнецком мосту. С этой выставки воспроизведены работы О. Верейского, который вдумчиво и увлеченно осваивал материал, внимательно изучал мемуары современников великого писателя, старые гравюры с видами петербургских и московских улиц, журналы и другие документы времени действия романа.

ШЕСТЬСОТ ИЗДАНИЙ

В выставочном зале Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина открылась книжно-иллюстративная экспозиция, посвященная 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. Демонстрируется 600 изданий книг великого писателя. Среди них — первое печатное произведение «История моего детства», опубликованное в 9-й книжке «Современника» за 1852

год. Журналами «Русский вестник», «Отечественные записки», «Современник», «Русское богатство», а также отдельными иллюстрированными изданиями представлены прижизненные публикации писателя. Особое место заняли на выставке работы В. И. Ленина о Л. Н. Толстом. Большой экспозицией представлены и последние юбилейные издания.